

ЛИТЕРАТУРНО-ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРЦА ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)

Велик жизненный подвиг приснопамятного старца Паисия Величковского. Его справедливо считают обновителем русского монашества. На протяжении нескольких веков своей истории оно переживало и время расцвета, и время упадка. Утро русской церковной истории, период Киевской Руси, озарялось светом и монашеских подвигов. Вслед за восходом над русской землей благодатного солнца Христовой веры на нашем церковном небосводе воссияли два светила—преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские. Эти два великие подвижника, насадители иночества в русской земле, явили своим житием и два основных образа святости: образ святости деятельной, явленный преподобным Феодосием, и образ святости созерцательной, мистической, выразителем которого был преподобный Антоний.

Насажденное свв. Антонием и Феодосием Печерскими русское иночество дало сонм великих подвижников и много послужило духовному просвещению древней Руси. Отметим при этом, что в духовном подвиге русского народа выражался тогда по преимуществу образ деятельной святости, святости преподобного Феодосия, определившего направление и содержание духовной жизни монашества Киевской Руси. Как известно, неблагоприятно сложившиеся исторические события, завершившиеся татарским погромом, подорвали государственную мощь древней Руси. Вместе с этим померк и свет древнего русского иночества, но, к счастью, не навсегда. Он снова воссиял в лесах северо-востока, где к тому времени сложился и окреп новый центр русской государственности.

Вождем-обновителем русского монашества явился Преподобный Сергей Радонежский, начавший своим подвигом новую эпоху в духовной жизни Руси. Преподобный Сергей духовно породил новый сонм подвижников; монашество снова ожило и расцвело на необъятных пространствах средней и северной Руси. В своем духовном подвиге Преподобный Сергей сочетал образ святости деятельной с образом святости созерцательной, явив последний как высшую ступень духовной жизни. Эти два образа святости, гармонично сочетавшиеся у Преподобного Сергея, разделились и обособились у его последователей. В жизни русского монашества после Преподобного Сергея мы видим как бы два самостоятельных потока: у последователей преподобного Нила Сорского наиболее ярко выражается мистико-созерцательное начало, в то время как последователи преподобного Иосифа Волоцкого были выразителями деятельного благочестия. С течением времени эти два направления духовной жизни, по существу своему отнюдь не антагонистичные, все более обособляются и приходят к крайностям. Это обстоятельство в связи с другими историческими событиями весьма неблагоприятно отразилось на духовной жизни русского монашества, которая с начала XVIII века явно пошла на убыль и во вторую его половину достигла наибольшего упадка.

Но святые семена, посеянные на Руси преподобными Антонием и Феодосием Киево-Печерскими и возрожденные потом Преподобным Сергием Радонежским, не погибли. Что произошло в XIV веке, повторялось и в XVIII: за этой, второй эпохой упадка духовной жизни русского монашества опять последовал и новый расцвет ее. Зачинателем нового возрождения русского монашества явился великий старец, схиархимандрит Паисий Величковский, который вернул иноческую жизнь к древним ее устоям. Его деятельность была многообразна: он был и аскет-подвижник, и учитель благочестия, и мудрый начальник монастырской общины, и старец-руководитель подначальных. Сам подавая пример истинно аскетической жизни, он мудро руководил созданным им монашеским братством и сумел воспитать сонм подвижников, достойных своих преемников и продолжателей своего дела. Эти его духовные дети и их ученики внесли живую струю в жизнь русского монашества, пробудили в нем великие духовные силы.

Аскет-подвижник, мудрый наставник и руководитель — это как бы одна черта о. Паисия, его по преимуществу личный подвиг. Но он совершил и другое великое дело, ко-

торое выразилось в создании русской аскетической литературы, приблизив к русскому монашеству самый первоисточник иноческого просвещения.

Из жития о. Паисия известно, что в начале своего иноческого пути он не нашел в монастырях ни духовных руководителей, ни соответствующей литературы. «Не сподобился я в юности своей и в начале монашества, — писал он одному из своих учеников, — видеть ни от кого даже следа здравого и правильного рассуждения, совета и научения по учению святых отцов, ...даже следа здравого наставления от кого-либо не сподобился видеть... Они оставили меня жить без всякого духовного окормления...» И этому нельзя удивляться, если мы будем знать дух того времени. Настоятелями монастырей были тогда обычно ученые монахи, привыкшие заниматься церковно-общественными делами. Нравственно-аскетическая деятельность не была предметом их внимания; поэтому настоящими руководителями монашествующих они не были и быть не могли. В этом нельзя не видеть печального следствия упомянутого выше крайнего обособления двух потоков духовной жизни: деятельное начало, полезное и необходимое само по себе, без сочетания с началом мистико-созерцательным, в конце концов лишается своей души, превращаясь из духовного подвига в простую «деятельность», не согретую благодатной теплотой таинственного богообщения.

Что касается аскетической литературы, то хотя и до о. Паисия были славянские переводы некоторых аскетических творений древних учителей иноческой жизни, но переводы эти были далеко не полные (многое было не переведено), не всегда удовлетворительные (притом еще более испорченные переписчиками) и крайне редкие (в смысле количества списков). О неисправности текста этих славянских переводов могут дать понятие следующие слова о. Паисия: «Егда же неколико лет чтый тоя с прилежанием, на зело премножайших местех обретах в них неисповедимую неясность, на премногих же местех не обретах отнюдь ниже самага грамматического разума, аще и многократне чтый и с неизреченным трудом и испытанием, но ни тако обретах предвечнаго разума».

Это произвело удручающее впечатление на о. Паисия. «Бог един вестъ, — пишет он, — яковья печали душа моя исполняеся». Ясно, что переводы требовали исправления, и о. Паисию пришла мысль исправить славянские переводы путем сличения друг с другом различных их списков. «Возмнех, — говорит он, — яко словенския отеческия книги с других словенских книг можно есть поне мало исправити». Он и стал исправлять переводы творений Исихия Иерусалимского, Филофея Синаита и Феодора Эдесского по четырем спискам и творений преп. Исаака Сирина по двум спискам, чтобы, как он надеялся, «куюждо от них сложив, сподоблюся узрети в них грамматический разум». Это не привело, однако, к желаемым результатам. «Но весь труд мой оный всуе бысть: ни тако бы в сложенных оных книгах сподобихся увидети совершенный оный разум», — с горечью признает о. Паисий. Он убеждается в непригодности этого способа: «Егда же тако многократно пострадах, тогда познах, яко всуе труждаюся во мнимом исправлении словенских со словенских книг...». Отец Паисий понял «откуда таковая есть в книгах неясность и оскудение грамматического разума» — причиной этого были «неискусство древних с эллиногреческого на словенский язык книг переводителей», а также «неискусство и нерадение неискусных переписателей».

Старец Паисий был, конечно, совершенно прав. Прежние переводчики не оказались на высоте положения; различия в грамматическом строе греческого и славянского языков часто были для них непреодолимым препятствием, вследствие чего в их переводах и встречались в изобилии разные несообразности, нередко бессмыслица или искажение смысла подлинника. А ошибки и промахи переводчиков были потом еще многократно умножены невежественными и нерадивыми переписчиками. В результате и получилось то, что повергло в ужас о. Паисия.

Великий старец сознавал, что так оставлять дело нельзя. Бесценное духовное сокровище — творения древних аскетов — не должно лежать под спудом. Нельзя лишать иночество этой воды живой. Старец Паисий прекрасно понимал, что для правильного течения иноческой жизни необходимо как старческое руководство, так и соответствующее задачам монашества духовно-аскетическое просвещение. А это последнее могло быть достигнуто через свя-

тоотеческую аскетическую литературу. И если с ней дело обстояло плохо (в смысле качества и количества славянских переводов), то необходимо было безотлагательно исправить существующие переводы и многое перевести заново.

Старец Паисий с трепетом и благоговением приступил к этому ответственному труду, хотя по смирению своему и считал себя неподготовленным к нему; он видел, что это необходимое, поистине доброе, дело не может терпеть дальнейших отлагательств. «Видя же глад слова Божия, ...на Господа, слепцы умудряющего, всю мою возложив надежду,... дерзнул сие дело, отнюдь, меру мою превосходящее,... начать», — пишет он.

Для этой цели о. Паисий изучил в совершенстве древнегреческий язык, стал собирать рукописи творений древних аскетов и занялся их переводом. Его жизнь на Святой Горе Афонской была по преимуществу временем собирания рукописей, а жизнь в Молдавии — временем переводов. Этот свой литературный подвиг, как и подвиг личного руководства, старец нес до самой своей смерти. И в старости, уже изнеможенный от многих трудов и от многих лет, он продолжал трудиться. Сидя на ложе, весь обложенный книгами, не взирая на мучительные боли от пролежней, он писал и писал днем и ночью, отдавая лишь самое малое время сну. Почти перед самой смертью он все еще перечитывал и исправлял свои переводы. Если ему иногда и приходилось прибегать, к помощи своих учеников и собратий, то их работы все равно тщательно им просматривались. Относясь строго и добросовестно к своей работе, старец Паисий некоторые свои переводы проверял хорошими молдавскими переводами. «Положих себе в наставление и руководство перевод книг отеческих на молдавском языке, яже преведоша с эллиногреческих на свой природный молдавский язык возлюбленнии братия наши: иеромонах Макарий и Илларион даскал искуснии в преведе книг и учении мужи». Возвращаясь к ранее сделанным переводам и тщательно сверяя их с оригиналом, старец Паисий нередко начинал переводить заново. «Таже по мнозе времени, егда уже начах мало приходити в лучшее сея вещи успеяние, усмотрех во исправленных сих мною книгах, не искусства ради моего, премногая погрешения, то и вторицею некоторые от сих исправих. Таже по некоем времени, и еще обретшымся многим в них погрешениям, и третицею поправих». Старец Паисий положил за правило не давать в пользование свои переводы до тех пор, пока будет хоть малейшее сомнение в их совершенстве. «Завет таков, аки основание непоколебимо, в души моей положих, да труд мой сей во исправлении или в преведе книг отеческих, аки по всему храмлющ и несовершен, пребудет в соборе нашем отнюдь неисходен, дондеже помощию Божиею исправится, и приидет в подобающее совершенство».

Насколько о. Паисий строго относился к предпринятому им делу и насколько ответственным считал свой труд перевода отеческих книг, показывают следующие его слова из письма к старцу Феодосию, его близкому другу: «Сего ради и к святине вашей к переписанию, или к выпечатанию, книги таковыя прислати отнюдь ни единым образом не возмогах, христианскую мою и монашескую совесть насильствовали бояся, и устрашася, аки за дело храмлющее и отнюдь несовершенное, вечнаго в день страшнаго суда Божия души моя осуждения».

В результате этих трудов о. Паисия русское иночество (а также иночество и других славянских православных стран) получило вразумительные славянские переводы творений древних отцов-аскетов. Сам старец Паисий говорит: «...свойственна бо наипаче к монахам принадлежит отеческих книг учение; да вси монаси, паче же из них истиннии по внутреннему человеку подвижницы, не точию православнаго отечества нашего, но и всех православных словенского языка народов, Серби, глаголю, и Болгаре, и прочии, чтением их сподобятся пользоваться».

Старцем Паисием переведены, во-первых, аскетические писания тех отцов, которые составляют дивный сборник «Добротолюбие», содержащий драгоценнейшие жемчужины восточно-православной аскетики. Писания, входящие в «Добротолюбие», принадлежат таким столпам восточного монашества, как Антоний Великий, Григорий Синаит, Исихий Иерусалимский, Исаия Отшельник, Иоанн Кассиан, Марк Подвижник, Никита Стифат, Нил Постник, Симеон Новый Богослов, Филофей Синайский и многие другие им подобные. Эти писа-

ния — лучшее руководство в духовной жизни. Своим главным содержанием они имеют «умное делание» и его приемы — наставления относительно очищения души от страстей и о молитве Иисусовой.

Первое издание «Добротолюбия» в России вышло в 1793 году еще при жизни старца Паисия; почти через тридцать лет, в 1822 году вышло второе издание. Эти два первые издания «Добротолюбия» озаглавлены были следующим образом: «Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отцев, в немже нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает». Эти издания были снабжены предисловием, в котором подробно излагалось то, что кратко выражено в заглавии.

Старец Паисий сделал ряд переводов и других аскетических писаний, сходных по своему содержанию с вошедшими в состав «Добротолюбия». Они потом (в 1849 г.) были изданы сборником под названием «Восторгнутые класы в пищу души» (впоследствии большинство из них вошло в позднейшие русские издания «Добротолюбия»).

Далее о. Паисий перевел целый ряд таких аскетических творений, которые своим содержанием охватывают весь строй иноческой жизни, подробно говорят о старческом окормлении, о добродетели смирения, о порядках, строе и конечных целях общежительного устава иноческого жития. Сюда относятся: «Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошания учеников»; затем — творения аввы Дорофея, творения Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, аввы Фалассия и Феодора Студита. Этот отдел переводов старца Паисия начал издаваться в России только полвека спустя после его смерти. До этого многие из этих его переводов распространялись среди русского монашества в рукописных списках.

Уже из этого краткого очерка можно видеть — насколько велик был труд о. Паисия и по своему объему и по своему значению. Этот дивный старец по всей справедливости заслужил честь называться обновителем русской иноческой жизни и первым русским иноком-наставником и руководителем в аскетическом чтении. В XVIII и в начале XIX века в России была поразительная скудость аскетической литературы, а переводы о. Паисия превратили эту скудость в духовное богатство возрожденной монашеской жизни.

Журнал Московской Патриархии 1956 г., №12, стр. 58–62